

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕАЛИКОН КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется понятие художественного реаликона как текстообразующей категории, обозначающей единый интенционально-эстетический и культурно значимый комплекс, в состав которого входят реалии, используемые писателем для решения содержательно-эстетических задач по созданию национального колорита текста. Авторы рассматривают художественный реаликон как совокупность разнородных, но иерархически структурированных средств передачи национально-специфической информации в тексте. На материале прозаических произведений И. А. Бунина и их переводов на французский язык прослеживаются изменения, происходящие в структуре реаликона, затрагивающие его ядро и периферию. Делается вывод об эффективности использования понятия художественный реаликон для системного описания средств создания национального колорита текста, особенностей их реализации в тексте и возможности их сохранения при переводе.

Ключевые слова: реалия, художественный реаликон, текстообразование, проза И. А. Бунина, национальный колорит текста, перевод на французский язык

Abstract: The article attempts to analyze the concept of artistic realikon as a category of text formation. Artistic realikon is defined as an indivisible intentionally created aesthetic complex which has a cultural significance and includes realia used by the writer to solve aesthetic and content-related tasks of creating the national color of the text. The authors consider artistic realikon as a set of heterogeneous, yet hierarchically structured means of conveying culture specific information in the text. Based on the material of prose works by I. Bunin and their translations into French, changes in the structure of the realikon, affecting its core and periphery, are traced. The conclusion is drawn on the effectiveness of using the concept of artistic realikon for a systemic description of the means of creating the national color of the text, the features of their implementation in the text, and the possibility of preserving them in translation.

Keywords: realia, artistic realikon, text formation, I. A. Bunin's prose, national color of the text, translation into French

Важнейшей сущностной характеристикой художественного текста является хронотоп — категория, определяющая единство времени и пространства произведения и отражающая индивидуально-авторскую картину мира его создателя. Хронотоп, по определению М. М. Бахтина, представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, 253]». Как отмечает Н. А. Николина, хронотоп становится частью перцептуального мира конкретного писателя, в котором он творит новое — концептуальное — пространство как «форму осуществления авторской идеи» (цит. по [2, 34]). В понятии хронотопа находит отражение и концепция диалогизма автора и читателя, присущая философским размышлениям М. М. Бахтина. Согласно исследователю, читатель, как и автор текста, участвует в создании изображенного в тексте мира; в силу такого взаимодействия граница между реальным и худо-

жественным миром становится проницаемой, что «позволяет художественному произведению занять свое место в культуре» [3, 180].

Хронотоп, рассматриваемый как концептуальное пространство текста художественного произведения, актуализируется через многочисленные репрезентанты пространства и времени, среди которых особое место занимают лингвокультурные реалии, играющие роль локальных и темпоральных маркеров текста. Системный характер функционирования реалий наиболее четко прослеживается в текстах, которые отображают «смысловое пространство существования этнических ценностей» [4] и которым присуща ярко выраженная национально-культурная направленность как на уровне тематики и проблематики, так и на уровне функционирующих в них выразительных средств. В подобных текстах реалии выступают как структурообразующие и смыслообразующие элементы и функционируют не как отдельные изолированные вкрапления, а как неотъемлемая часть единого целого — идейно-тематического

и интенционально-эстетического комплекса художественного произведения, который может быть назван индивидуально-авторским или художественным реаликоном.

Понятие «художественный реаликон» было предложено Н. А. Фененко [5] и получило обоснование в ее работах на материале художественных текстов французских и русских писателей [6], а также в совместных работах авторов данной статьи [7], [8], [9].

Понятие художественного реаликона предполагает максимально широкую трактовку термина «реалия» [10], которая не ограничивает этот класс исключительно конкретными лексическими единицами (ЛЕ), номинирующими артефакты (предметы национальной одежды, пищи, традиционного быта и т.п.) и натурфакты (факты природной среды), т.е. называемыми «вещные» денотаты. К реалиям мы относим и факты духовной культуры (культурные концепты — ментефакты) — обычаи, традиции, верования. Такой подход предполагает включение в состав реаликона фольклорных образов, персонажей литературных произведений (в том числе, таких жанров, как научная фантастика, комикс, феерия, фэнтези), за которыми стоят не реальные, конкретные, а вымышленные, виртуальные денотаты (квазиденотаты). Наконец, в реаликон художественного произведения мы включаем ЛЕ, номинирующие артефакты и натурфакты, которые приобретают в тексте символическую функцию и становятся, в результате вторичного семиозиса, культурными идентификаторами, символами социально значимых параметров той или иной культуры [11].

Цель данного исследования — смоделировать структуру художественного реаликона и выявить особенности ее преобразования при переводе с русского языка на французский.

Материалом исследования послужили повесть И. А. Бунина «Деревня» и его рассказ «Косцы», а также их переводы на французский язык, выполненные соответственно М. Парижаниным и К Ошар. Эти произведения отличаются высокой степенью «укорененности» в русской культуре, а также особенностями их восприятия за рубежом. Повесть «Деревня» получила ряд оценок, носивших «тенденциозный и политизированный характер» [12, 11] что позволяет утверждать, что западное сообщество «смогло воспринять только одну из граней его (И. А. Бунина) мировоззренческой позиции» [там же], не заметив и положительных черт русского крестьянского общества, воссозданных писателем.

Выбор материала исследования обусловлен ярко выраженным национальным колоритом произведений писателя, наличием в них большого количества реалий, которые, будучи точкой концентрации культурно-специфичных смыслов, выступают средством решения эстетических задач автора, раскрывают его

идеи, особенности восприятия им мира и человека. Они выполняют многочисленные и разнообразные функции: участвуют в семантизации универсальных и «потаенных смыслов» [13, 6], в формировании эстетической экспрессивности текста, выполняют функцию создания национального, местного, исторического колорита, функцию эстетизации бытовой детали, аллюзивную и символическую функции, создавая тем самым многослойный характер текста (подробнее о функциях реалий в произведениях И. А. Бунина см. [14]).

Реалии репрезентируют в тексте не только предметно-референтный, но и ментальный компоненты культуры, поэтому можно говорить о реалиях как неотъемлемом компоненте языковой картины мира писателя и их ведущей роли в воплощении авторской «интенциональной идеологии» [15, 95].

Реаликон произведений И. А. Бунина обладает целым рядом специфичных черт, среди которых:

- разнообразие типов реалий: жилые помещения (*мазанка, изба*); предметы одежды (*кафтан, опойковые сапоги, косоворотка*); предметы обихода (*рундук, махорка, самовар*); продукты питания (*мятный пряник, щи, жамка*); отсылки к историческим событиям: *получить вольную, отчуждение земель* и др.;

- разнообразие функций: этнографическая, символическая, сюжетообразующая, характеристика образа персонажа, аллюзивная функция — отсылки к русским народным сказкам в рассказе «Косцы», отсылки к роману И. В. Гете «Страдания юного Вертера» в повести «Митина любовь» и т.д.;

- наличие более общего / более частного признака — национальная / локальная принадлежность, ср., например, национальные реалии *лапти, телега, изба* и локальные реалии, имеющие словарную помету «рег., обл.»: *пунька, поддевка, наливашник*, а также реалии, имеющие помету «устар.»: *коробочник, шибай*.

Реаликон художественного произведения имеет системную организацию, обусловленную интенциональностью авторской концептуализации картины мира и, в силу своего системного характера, может рассматриваться как полевая структура, представляющая собой совокупность языковых единиц, «объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [16, 340].

В структуре художественного реаликона как полевой модели целесообразно различать ядро, которое содержит реалии с максимальной полнотой и интенсивностью признаков, а также ближнюю и дальнюю периферию, для которой характерна большая / меньшая степень разреженности и ослабления признаков. Для определения структурной организации реаликона релевантным оказывается также частотный показатель встречаемости реалии в конкретном тексте.

При определении структуры художественного реаликона конкретного произведения мы предлагаем использовать следующие критерии [8]:

1. Степень интенсивности национального признака реалии, которая определяется:

— отсутствием соответствующей номинации в сопоставляемом языке, ср. русское *самовар* и наличие полной лексической лакуны этой ЛЕ во французском языке;

— отсутствием некоторых компонентов денотативного значения номинации реалии в сопоставляемом языке (частичная реалия / лакуна денотативного значения), ср. русское *усадьба* и его частичные французские соответствия *maison, propriété, domaine*;

— отсутствием коннотативного значения (частичная реалия / лакуна коннотативного значения), ср. русское *юридический* — и его частичные французские соответствия *innocent, simple d'esprit, fol en Christ, un fou du bon Dieu*;

— отсутствием в принимающем языке сигнификата значения: *держат поднос с хлебом и солью*;

— наличием у номинации словарной пометы «рег., обл.»: *поддевка*.

2. Частотность употребления реалии в контексте. Наибольшей частотностью в анализируемых произведениях И. А. Бунина характеризуются полные и частичные реалии с лакунизированным для сопоставляемого (в нашем случае, французского) языка денотативным компонентом значения: *изба* 37 словоупотреблений, *телега* — 21 словоупотребление.

3. Функции реалий в тексте, их роль в «идеологии художественного произведения», их потенциал стать ключевым понятием произведения, «основой авторской концептуализации» [17, 311], приобретая в нем символическую функцию. Так, в рассказе «Косцы» символическую функцию реализуют отсылки к русским народным сказкам, которые вербализуются с помощью особой ритмики текста или введения в контекст квазиденотатных реалий — «скатерть-самобранка», «мать Сыра Земля», «Баба Яга» и др.

На основе указанных выше критериев мы разработали полевую модель художественного реаликона повести «Деревня», которую можно представить следующим образом.

Ядро реаликона повести составляют наиболее национально окрашенные ЛЕ, называющие традиционные реалии русского быта, которые можно разделить на несколько групп, исходя из таксономического признака:

— предметы одежды: *сарафан, лапти, шапка, армяк* и пр.;

— предметы быта: *самовар, рундук, утирка*;

— реалии традиционного уклада жизни: *кабак, лавка, обжорный ряд*;

— средства передвижения: *телега, тройка, пролетка*;

— наименования денег: *четвертной, краснень-*

кая;

— напитки: *водка, квас*;

— религиозные реалии: *икона, подрясник*;

— топонимы: *степь*;

— единицы мер и весов: *верста* и др.,

— региональные реалии, имеющие пометы «обл.», «рег.»: *жамка, поддевка*).

Кроме того, к ядру реаликона можно отнести наиболее частотные (*изба, мужик, телега*) и наиболее функционально значимые для данного произведения реалии (*усадьба, поместье, барин*).

Также к ядру мы относим реалии-ментефакты, общие для национальной культуры: религиозные реалии, называющие религиозные праздники и посты: *Петровки, Михайлов день, заговенье (заговны), Казанская*; реалии — обычаи и традиции: *держат поднос с хлебом и солью, проучить по-русски*; исторические реалии, отсылающие к событиям или фактам русской истории: *получить вольную, отчуждение земель, вольнодумец* и др.

К ближней периферии относятся реалии-просторечия, воссоздающие особенности народной речи: пословицы и поговорки, фрагменты народных песен, реалии, передающие речевую характеристику персонажей: *Тихон снял постоялый дворышко на шоссе при станции Воргол, верстах в пяти от Дурновки, и открыл кабак и «черную» лавочку: «торговля мелочного товару чаю сахару табаку сигар и прочего»*. Их отношение к ближней периферии обусловлено тем, что они были созданы И. А. Буниным для конкретного произведения, являются по сути результатом художественного осмысления реально существовавших фольклорных элементов и особенностей речи крестьян. К ближней периферии реаликона повести «Деревня» мы также относим аллюзивные реалии или интертекстуальные включения: *Платон Каратаев, Разуваев, Колупаев, паук-мироед*, которые, хотя и имеют высокую степень национальной окрашенности, в данном произведении мало частотны.

Дальнюю периферию образуют немногочисленные «чужие» реалии, например, *маньчжурская шапка* и др.

Смоделированный таким образом реаликон активизирует высокую степень национальной окрашенности бунинской прозы, что делает ее непросто материалом для межкультурной трансляции. Показательно в этой связи мнение Ш. Ледре, автора первой франкоязычной монографии о творчестве русского писателя: «мы в самом центре русской души <...>, поскольку Бунин изначально (и возможно в большей степени) интересует нас как прекрасный художник своей страны и самых секретных глубин славянской души» [18, 47]. Французский писатель русского происхождения А. Макин характеризует И. А. Бунина как «сказителя быта» (*conteur du byt*) [19, 41], определяя его эстетику как «социологическую» и «этнографическую» и подчеркивая ха-

рактурную для писателя «эстетизацию бытовой детали» [ibid., 98].

Проведенный анализ способов передачи реалий при переводе позволяет выявить значительные различия в структурах реаликона исходного текста (далее — ИТ) и текста перевода (далее — ПТ).

В соответствии с выделенными выше критериями частотности употребления в ПТ, полноты и интенсивности национально окрашенных компонентов значения, функциональной значимости свое место в ядре реаликона ПТ сохраняют русские реалии *изба* (29 употреблений), *мужик* (33 употребления), *телега* (22 употребления). Кроме того, в ядре остаются реалии, которые сохраняют национальный колорит по форме, но для понимания значения которых переводчику приходится апеллировать к более известным во французской лингвокультуре русским или своим, французским, реалиям, используя метатекст в форме различных способов внутритекстовых, затекстовых, послетекстовых экспликаций, ср., например:

ИТ: *Теперь Тихон Ильич отослал телеги со старостой, а сам поехал один, на бегунках.*

ПТ: *Mais, cet été là, Tikhon Ilitch mit d'abord en chemin l'ouvrier avec les deux télègues, et lui-même fit la route en drojki*.*

*В сноске досл.: *Нечто наподобие мягкой лавки, установленной на четырех колесах (...). — Здесь и далее перевод комментариев с французского языка на русский наш. — Н. Ф., С. Б.)*

Ср. также:

ИТ: Вот *квасок*, попыривает в носок!

ПТ: *Du kvas* bien cuisiné, pour piquer le nez!*

*В сноске досл.: *Напиток, полученный брожением.*

Остаются в ядре реаликона ПТ и реалии, при передаче которых происходит замена русской реалии на более известную во французской культуре русскую реалию:

ИТ: *И Тихон Ильич послал на поправку этой хижины красненькую.*

ПТ: *Et Tikhon Ilitch avait envoyé, pour réparer cette cabane, un billet rose de dix roubles (досл. розовая купюра в десять рублей).*

Ближняя периферия реаликонов ПТ сформирована несколькими группами реалий ИТ, которые характеризуются редким употреблением. Это аллюзивные реалии в форме интертекстуальных включений, для ревербализации которых используются развернутые переводческие метатексты. Например:

ИТ: *Восторгаясь «Дымом», он, однако, твердил, что «кто умен, да не учен, в том без ученья много света».*

ПТ: *Enthousiaste de Fumée*, l'admiration ne l'empêchait pas d'affirmer qu'«un homme intelligent, même sans instruction, ne manque pas de lumières».*

*В сноске досл.: *Известный роман Тургенева, созданный в «западном» духе, в котором восхваляется зарубежная культура.*

Ср. также:

ИТ: *У этих больших белых ворот сидела и вязала чулок старуха, похожая на старуху из сказки — в очках, с клювом, с провалившимися губами — одна из вдов, живущих в приюте при кладбище.*

ПТ: *une vieille femme le remplaçait, tricotant des bas, semblable aux fées portant lunettes, bec pointu, lèvres rentrées, une des veuves qu'on hospitalisait près du cimetière.*

В исходном тексте сочетание «старуха из сказки», по-видимому, отсылает к Бабе Яге, поскольку последующее описание подчеркивает малопривлекательные черты старой женщины. В тексте перевода, однако, используется «своя» реалия «фея», которая в западной культуре зачастую отсылает к добрым волшебницам.

На ближней периферии оказываются и некоторые французские реалии, которые сопровождаются поясняющим комментарием переводчика: М. Парижанин делится с читателем логикой принятия переводческих решений, описывая «чужую» реалию и поясняя выбор эквивалента. Например:

ИТ: *Я, к примеру, солдат и коновал*

ПТ: *Moi, par exemple, je suis soldat et konoval*.*

*В сноске досл.: *русское слово «коновал» не имеет эквивалента во французском языке. Коновал для ветеринара то же, что костоправ для врача.*

Ср. также:

ИТ: *На полпути было большое село Ровное.*

ПТ: *A mi-chemin se trouvait Rovnoïe, un grand bourg repeuplé de paysans libres*.*

*В ссылке досл.: *Очевидно, что с момента отмены крепостного права все российские крестьяне считались свободными. Однако дела обстояли по-другому до реформы Александра II. Среди крестьян существовали различия, воспоминания о которых сохранились в речи. Вот объяснение из словаря Даля, которого можно считать русским словарем Littré:*

Одноворцы — поселяне, считающие себя благородного происхождения и, отчасти, владевшие крепостными; из дворянских детей и служилых, поселены в XVII веке на Украине (границе); им даны некоторые права; проживали в Тамбовской, Воронежской и соседних губерниях.

Именно этот термин «одноворцы» здесь и далее переведен как «свободные крестьяне».

Дальняя периферия реаликонов ПТ включает наибольшее число компонентов, сформирована наименее частотными «своими» реалиями, представляющими собой функциональные эквиваленты или гиперонимы, поскольку они лишены русского национального колорита, ср.: *крендель — craquelin, уезд — la contrée, волостное правление — les bureaux du canton, чуйка — un grand paletot, шапка — bonnet, армяк — soquenille.* Таким образом, на периферию реаликона ПТ смещаются как реалии с общенациональным компонентом значения, так и с региональным. Например:

ИТ: *Дотла разорились мужики, трынки не осталось в оскудевших усадьбишках, раскиданных по уезду...*

ПТ: *Les moujiks réduits à la dernière indigence, pas un radis dans ces manoirs de malheur qui s'éparpillaient à travers la contrée...*

В данном примере в переводе взамен русской реалии «уезд» появляется «своя» номинация *la contrée* — «край, местность».

Кроме того, дальняя периферия также включает русские реалии, которые переданы посредством экспликации, которая позволяет восстановить некоторые национально окрашенные компоненты значения с использованием средств исключительно французского языка, т.е. функционального эквивалента, ср.: *лавочка* — *un cabaret et une échoppe*, *Задонск* — *au monastère de Zadonsk*, *село* — *un grand bourg peuplé de paysans libres*. Ср.:

ИТ: *В снохачу меня записала...*

ПТ: *Il est jaloux?*

— *Jaloux... Ils prétendent que moi, le beau-père, je suis avec elle.*

В приведенном примере реалия «снохач» передается с помощью экспликации «они считают, что я, свекор, с ней в отношениях».

На дальней периферии оказываются также реалии, реномируемые посредством дословного перевода, и реалии, передающие особенности крестьянской речи. Независимо от выбора стратегии нейтрализации или стилистической компенсации комплекс культурных смыслов в таких случаях неизбежно утрачивается:

ИТ: *У-ух! И здоровá же водка у тебя, Петровна! Аж в лоб стукнула, пропади она пропадом.*

ПТ: *Ouhhh! C'est pas de la p'tite bière, ta vodka. Petrovna! Même que ça m'a tapé sur le ciboulot!*

В анализируемом ИТ главная особенность заключается в использовании междометий, фразеологизма «пропади пропадом», порядка слов, ударения. В тексте перевода эта специфика передается на фонетическом уровне за счет опущения гласных, характерного для быстрой устной речи, на синтаксическом — за счет использования конструкций, типичных для просторечия, на стилистическом — за счет использования лексем с пометой «разг.» (*taper, ciboulot*).

Кроме того, на дальнюю периферию реаликонов ПТ перемещаются реалии-функциональные эквиваленты, которые воспроизводят стихотворную форму, и содержание народных песен, пословиц, прибауток, но достигается это выразительными средствами французского языка. Ср.:

ИТ: *Но Тихон Ильич стал твердо подумывать развязаться с Дурновкой. «Не те деньги, что у бабушки, а те, что в пазушке!»*

ПТ: *Tikhon Ilitch songea sérieusement à rompre avec Dournovka.*

Mieux vaut argent en poche qu'un héritage proche!

В тексте перевода воссоздана рифма, которая ха-

рактерна для исходного текста, но смысл оказывается несколько измененным: «лучше деньги в кармане, чем скорое наследство».

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

Особая роль лингвокультурных реалий в создании национального колорита произведения позволяет рассматривать их как важный маркер художественного хронотопа. Совокупность реалий, функционирующих в конкретном художественном тексте и выполняющих единую идейно-тематическую и стилистико-эстетическую задачу, дает основание рассматривать их как единый интенционально-эстетический и культурно значимый комплекс, который целесообразно обозначить термином «художественный реаликон». Он представляет собой уникальную подсистему текста, отражающую не только национальную картину мира, фрагментом которой выступает данный текст, но и художественную модель мира его автора.

Понятие художественного реаликона логично встраивается в терминологическую парадигму таких категорий лингвистики текста, как художественный ономастикон, художественный антропонимикон, и содержит значительный потенциал для текстологических исследований, направленных на системное описание средств создания национального и временного колорита текста, а также возможностей его сохранения при переводе.

Анализ эмпирического материала показывает, что структура художественного реаликона имеет иерархическую организацию, представленную ядром и периферией в зависимости от степени национальной окраски реалий, частотности их употребления и функциональной значимости в тексте. В процессе перевода происходит реструктуризация реаликона, затрагивающая в первую очередь его ядро: относящиеся к нему реалии ИТ сохраняются в ПТ в наименьшей степени, большинство из них либо заменяются «своими», либо эксплицируются и, следовательно, перемещаются на периферию, либо просто опускаются. Ядро реаликона ПТ формируется за счет реалий своей культуры и только частично за счет реалий культуры ИТ, освоенных своим языком. Сокращается объем ближней периферии, которая включает реалии со слабой степенью национальной окраски, в то время как существенно увеличивается по сравнению с ИТ дальняя периферия реаликона, лишенная русского колорита. Изменение структуры реаликона представлено графически на рис. 1 и 2. В центре схематически изображено ядро, затем ближняя и дальняя периферия.

Изменение структуры реаликона отражает динамику баланса «свой» / «чужой» при воспроизведении инокультурной реальности в переводных текстах и объективирует степень сохранения или утраты национального колорита текста при переводе.

Рис. 1. Структура реаликона повести «Деревня» (исходный текст)

Рис. 2. Структура реаликона повести «Деревня» (перевод на французский язык)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1975. — 502 с.
2. Богатова С. М. Пространство, упраздняющее время (опыт когнитивной интерпретации хронотопа) / С. М. Богатова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 2. — С. 34–39.
3. Потапов М. М. Предыстория понятия «хронотоп» и его междисциплинарный статус / М. М. Потапов // Вест-

ник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2021. — № 2. — С. 175–181.

4. Пищальникова В. А. Русская деревенская проза как смысловое пространство существования этнических ценностей / В. А. Пищальникова, Чэнь Ваньжоу // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — № 3 (832). — С. 173–181.

5. Фененко Н. А. Авторский реаликон Н. В. Гоголя сквозь призму перевода / Н. А. Фененко // Новые технологии в обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., Москва, 15–16 мая 2008 г. — М.: РУДН, 2008. — С. 435–443.

6. Фененко Н. А. Художественный реаликон: к проблеме определения и интерпретации понятия / Н. А. Фененко // Этнопсихоллингвистика. — 2020. — № 3. — С. 95–105.

7. Фененко Н. А. Индивидуально-авторский реаликон в тексте оригинала и перевода / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сб. статей по итогам III Междунар. конф. — М.: Спутник+, 2018. — С. 388–394.

8. Фененко Н. А. Художественный реаликон как категория переводоведения / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 39–50.

9. Фененко Н. А. Художественный реаликон И. А. Бунина в аспекте межъязыковой реноминации: монография / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова, Л. И. Гришаева; Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. — 233 с.

10. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С. 7–13.

11. Загряжская Т. Ю. Антропология пространства (на франкоязычном материале) / Т. Ю. Загряжская // Вестник Московского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 4. — С. 9–29.

12. Бердникова О. А. «Нобелевские» темы Ивана Бунина / О. А. Бердникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 4. — С. 10–13.

13. Алейников О. Ю. «Потаенные» смыслы в лирике И. Бунина о мусульманском востоке / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 5–7.

14. Булгакова С. Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина: автореф. дис... канд. филол. наук (10.02.05 — Романские языки) / С. Ю. Булгакова. — Воронеж, 2013. — 24 с.

15. Алферов А. В. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе / А. В. Алферов, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 2. — С. 94–104.

16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 686 с.

17. Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология: монография / Г. Е. Попова; под ред. А. В. Алферова. — Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019. — 373 с.

18. Ledré Ch. Trois romanciers russes: I. Bounine, A. Kouprine, M. Aldanov / Ch. Ledré. — Paris: Nouvelles éditions latines, 1935. — 158 p.

19. Makine A. (a) La prose de I. A. Bounine. La poétique de la nostalgie. Thèse de doctorat d'études slaves / A. Makine. — Paris: Université Paris-Sorbonne, Paris IV, 1992. — 570 p.

*Воронежский государственный университет
Фененко Н. А., доктор филологических наук
E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет
Бурякова С. Ю., кандидат филологических наук
E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru*

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / И. А. Бунин; под общ. ред. А. Мясникова [и др.]; вступ. ст. А. Т. Твардовского; примеч. О. Н. Михайлова и А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1965–1967.

2. Bounine I. Le Village. Roman / I. Bounine, traduit du russe par M. Parijanine. Préface de P. Lorrain. — Paris: Bartillat, 2011. — 268 p.

*Voronezh State University
Fenenko N. A., Doctor of Philology
E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Buriakova S. Yu., Candidate of Philology
E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru*